

Василий Гроссман

Гроссман - это большой человек. И, разумеется, с золотым пером, которое было у него наподобие боевого штыка. Разил наповал.

**Василий Семенович
Гроссман родился 12
декабря 1905**

**Отец - Семен Осипович был
инженером-химиком, мать
— Екатерина Савельевна,
преподавала французский
язык.**

**Василий Семенович
свободно читал
французских авторов в
оригинале, декламировал
наизусть Мюссе,
Мопассана, Доде.**

**В 1914 году родители
отправили мальчика в
Киевское реальное
училище, где он учился до
1919 года, а закончил
обучение в родном
Бердичеве, в единственной
трудовой школе.**

Семья Гроссманов не имела больших достатков, поэтому Василий подрабатывал репетиторством и даже дровосеком. В 1921 году юноша поступил в Киевский институт народного образования, откуда через два года, очевидно, под влиянием отцовской профессии, перевелся на химическое отделение физико-математического факультета Первого Московского университета.

В 1929 году после окончания вуза В. С. Гроссман едет по распределению на Донбасс, где сначала работает химиком-аналитиком на шахте «Смолянка-II» (В. Гроссман с гордостью вспоминал, что это самая глубокая и самая жаркая шахта в стране), впоследствии — в Донецком областном институте патологии и гигиены труда и одновременно ассистентом кафедры неорганической химии в медицинском институте. Еще работая на шахте, Василий Семенович делает первые пробы пера. Он пишет повесть «Глюкауф», в которой описывает тяжелый труд донбассовских шахтеров, полный опасности при неудовлетворительной охране труда. Эта повесть была отмечена М. Горьким.

В 1934 году вышел первый рассказ Гроссмана "В городе Бердичеве". По поводу "Бердичева" Исаак Бабель воскликнул: "Новыми глазами увидена наша жидовская столица". А Михаил Булгаков в растерянности сказал: "Как прикажете понимать, неужели что-то путное удастся все-таки печатать?"

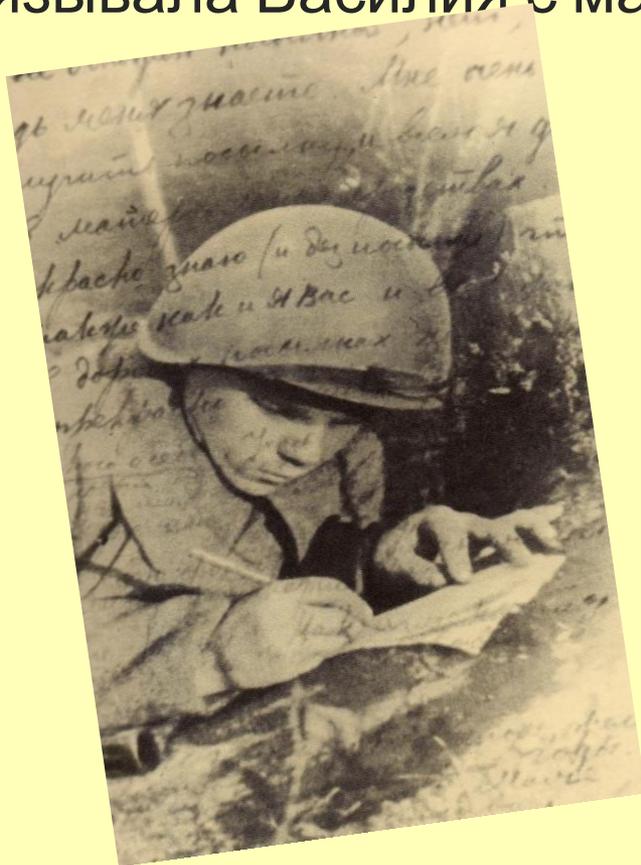
Путное-то путное, но еще опутанное путами (простите за каламбур) социалистического реализма. Это относится и к первому роману Василия Гроссмана "Степан Кольчугин" (1937-1940) - о пути рабочего парня в революцию, о его внутреннем становлении и о том, как он, преодолевая колебания, становится сознательным большевиком. Конечно, роман был встречен благожелательно. Тема революции и рабочего класса - это пропуск в большую литературу.

Но не все было безоблачным. Успешный "Степан Кольчугин" был выдвинут на Сталинскую премию, пройдя все этапы длительного согласования. Журналисты и корреспонденты газет приезжали к Гроссману брать у него интервью и фотографировать. Но в опубликованном списке лауреатов Гроссмана не оказалось: его вычеркнули в последнюю минуту. Это произошло в начале 1941 года. А через полгода началась война. Василий Гроссман ушел на фронт в качестве военного корреспондента "Красной звезды".

В 1944 году, когда была освобождена большая часть территории страны от фашистских захватчиков, Василий Гроссман узнает о трагической смерти матери в бердичевском гетто. Сохранились бердичевские письма Екатерины Савельевны к сыну. По ним видно, какая нежная, светлая любовь связывала Василия с матерью.

«Витя, я уверена, мое письмо дойдёт до тебя, хотя я за линией фронта и за колючей проволокой еврейского гетто. Твой ответ я никогда не получу, меня не будет. Я хочу, чтобы ты знал о моих последних днях, с этой мыслью мне легче уйти из жизни.»

Светлый образ матери сопровождал писателя до конца его жизни. В архиве В. С. Гроссмана хранятся два письма писателя к матери, написанные в 1950 и 1961 годах, то есть через 9 и 20 лет после ее гибели. Рядом с письмами — фотоснимок рва, заполненного телами расстрелянных узников гетто. Фотография сделана фашистским подполковником Эйбером, командиром батальона 1-ой гвардейской саперной особой бригады. Эту фотографию в свое время передали В. Гроссману в связи с работой писателя над черной книгой об убийствах евреев во время войны.

В 1943 году В. С. Гроссман начал работу над романом «За правое дело». Твардовский со своим заместителем по "Новому миру" Тарасенковым разглядели все до мельчайших подробностей и прикатили к Гроссману в его квартиру на Беговой улице. После первых хмельных похвал Александр Трифонович выдвинул ряд серьезных возражений: слишком мрачно показаны трудности жизни населения в условиях войны, да и сама война; мало о Сталине; излишне развита еврейская тема, один из главных героев, физик Штрум, - еврей.

Но официальная критика вещала исключительно в бело-черных тонах, пафосно и чрезмерно обобщенно, не замечая деталей, акцентов и нюансов.

В тисках несвободы, под прессом цензуры, под чужую дудку Гроссман бросился спасти свой роман. В обновленном и отредактированном виде он появился в "Новом мире". В окончательном варианте еврейский физик Штрум был задвинут на второй план, у него появился учитель, более крупный физик, разумеется, русский. Но и в переделанном виде роман "За правое дело" был высоко оценен читателями, в библиотеках за номерами "Нового мира", где печатались куски романа, выстраивались очереди. Через восемь лет напряженной работы роман был напечатан на страницах «Нового мира» и сразу стал очень популярным.

Воениздат и "Советский писатель" уже собрались издать нашумевший роман отдельной книгой, как грянул неожиданный гром. Хотя почему неожиданный? Так называемые патриоты-писатели бдят постоянно. И когда выпадает успех на долю какого-то писателя определенной национальности, они тут же начинают злобно шипеть. Так было, к примеру, с Осипом Мандельштамом, с Борисом Пастернаком. Так произошло и с Василием Гроссманом.

13 февраля 1953 года в "Правде" выступил Михаил Бубеннов с подвальной статьей "О романе В. Гроссмана "За правое дело" - зубодробительной, палаческой. Бубеннов выдвинул страшные для того времени обвинения: неверно идейно осмыслен героический подвиг советских людей, нет и в помине роли партии как организатора победы. Слишком сильны мотивы обреченности и жертвенности. Ну, и т.д. За Бубенновым ринулись в атаку на Гроссмана другие.

А тем временем Василий Семенович работал над второй частью дилогии - романом "Жизнь и судьба". Труд был титанический: за десять лет (1950-1960) им было написано более тысячи страниц. Как отмечал Владимир Лакшин, роман Гроссмана "огромен, гулок, разветвлен". Эпос сродни Льву Толстому. В нем много ярко-трагедийных страниц, к примеру, описание конца Софьи Левинтон с мальчиком Давидом на пороге газовой камеры.

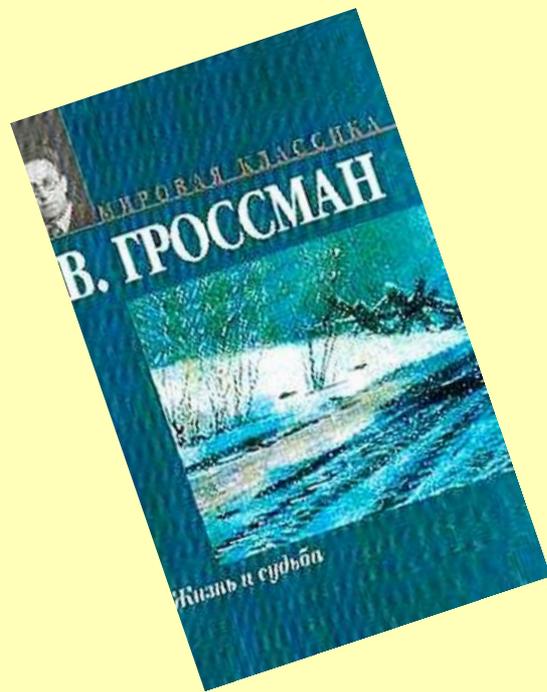

Сердце писателя всегда было полно сочувствия к страданиям еврейского народа. Когда был опубликован "Бабий Яр" Евтушенко, Гроссман сказал: "Наконец-то русский человек написал то, что у нас в стране есть антисемитизм. Стих сильно так себе, но тут дело в ином, дело в поступке - прекрасном, даже смелом"

Василий Гроссман, создавая "Жизнь и судьбу", сам совершил прекрасный и мужественный поступок. Он писал свой роман без оглядки на всевозможные табу и запреты, как откровение сталинской эпохи. В нем писатель доказывал, что всякая социальная покорность недопустима, ибо она по сути своей есть предательство. Именно покорность заводит людей в подземелье зла. "Судьба ведет человека, - говорил Гроссман, - но человек идет потому, что хочет, и он волен не хотеть".

Когда роман был готов, встал вопрос, где его печатать? К тому времени Гроссман находился в ссоре с Твардовским и поэтому решил отдать свое выстраданное произведение в другой журнал, в "Знамя", главным редактором которого был Вадим Кожевников. Это стало роковой ошибкой Гроссмана.

Чтение романа в редакции затягивалось. Наконец, 19 декабря 1960 года состоялось заседание редколлегии. Гроссман из-за сердечного приступа прийти не смог, но согласился с тем, чтобы роман обсуждался без него. Отсутствие автора только развязало руки оппонентам. Высказывания были в духе: роман Гроссмана - произведение, враждебное советской идеологии. В заключительном слове Вадим Кожевников сказал: "Мы хотели раскрыть глаза Гроссману: чтобы он понял всю глубину своего падения..."

В трудную минуту Гроссмана поддержал все тот же Твардовский. Он приехал к Василию Семеновичу, крепко с ним выпил и заявил, что роман гениальный. Потом горько посетовал: "Нельзя у нас писать правду, нет свободы". И далее: "Я бы тоже не напечатал, разве что батальные сцены..."

Осенью 1960 года Семен Липкин посоветовал сохранить экземпляр романа в безопасном месте. Гроссман молча отдал Липкину три светло-коричневые папки. Еще один экземпляр Василий Семенович отдал своему институтскому другу Вячеславу Ивановичу Лободе.

А 14 февраля 1961 года роман Гроссмана "Жизнь и судьба" был арестован. Пришли люди в штатском и забрали не только машинописные экземпляры, но и первоначальную рукопись, и черновики не вошедших глав, и все подготовительные материалы, эскизы, наброски, даже использованную копировальную бумагу! С Гроссмана хотели взять подписку, что он не будет никому говорить об изъятии рукописи, но писатель отказался, что либо подписать

Гроссману приклеили ярлык "внутренний эмигрант". Везде отказывались печатать. Не выдержав изоляции, 23 февраля 1962 года Гроссман обратился с письмом к Хрущёву и попросил его разъяснить судьбу своего романа. "Я много, неотступно думал о катастрофе, произошедшей в моей писательской жизни, о трагической судьбе моей книги... Моя книга не есть политическая книга. Я говорил в ней о людях, об их горе, радости, заблуждениях, смерти, я писал о любви к людям и о сострадании к людям..."

Хрущев не ответил. Вместо монаршего письма Гроссмана пригласили в ЦК на беседу к "серому кардиналу" Михаилу Суслову. Тот заявил Гроссману: "Ваш роман - книга политическая... Ваш роман враждебен не только советскому народу и государству, но и всем, кто борется за коммунизм за пределами Советского Союза, всем прогрессивным трудящимся в капиталистических странах, всем, кто борется за мир:" И сделал вывод: "Напечатать вашу книгу невозможно, и она не будет напечатана". А на прощанье Суслов пожелал Гроссману "всего хорошего".

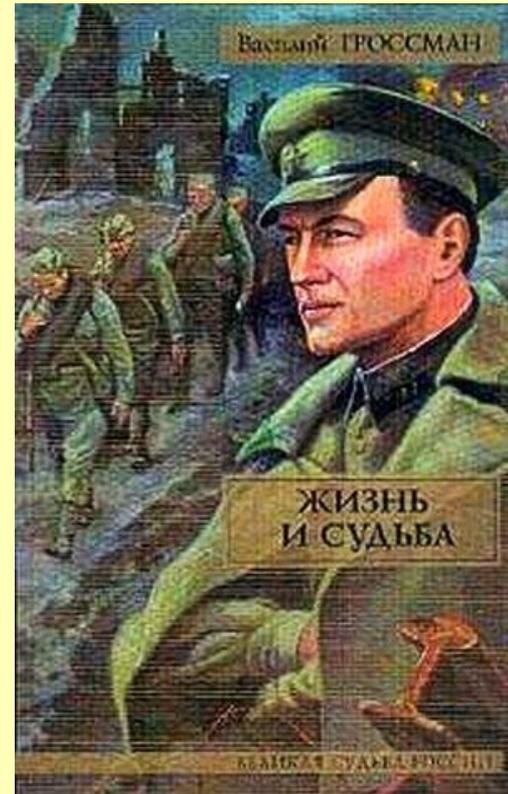
Обещанный Суловым пятитомник собрания сочинений Гроссмана долго мурыжили, пока он окончательно не выпал из плана издательства. Как вспоминал Семен Липкин, "Гроссман старел на глазах у близких. В его курчавой голове прибавились седины, появилась на макушке лысинка. Вернулась отпустившая было астма. Походка стала шаркающей. Телефон у него замолк, многие старые друзья его покинули. А Гроссману нужны были друзья, приятели, собеседники. Чего эти люди испугались? Ведь Сталина уже не было..." Да, Сталина не было, но генетический страх остался.

В конце 1962 года Гроссмана постиг рак как следствие тяжелых нервных потрясений и депрессии. Он лежал в Боткинской больнице в отдельной палате, а за стеной тоже умирал от рака Михаил Светлов.

В ночь с 14 на 15 сентября 1964 года Василий Гроссман умер, немного не дожив до 59 лет. Даже кончина писателя была зацензурирована. В "Литературной газете" вышел подготовленный Эренбургом некролог, но не дали портрета. Из текста выбросили все живое, оставив ничего не значащие слова. Кто-то удивленно спросил одного из руководителей Союза писателей: "Неужели Эренбурга надо редактировать?" последовал ответ: "Его-то и надо".

Теперь о посмертной судьбе произведений Василия Гроссмана. Спасенный Липкиным экземпляр рукописи "Жизни и судьбы" был переснят на фотопленку Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Владимиру Войновичу удалось вывезти ее за границу, и в 1980 году роман был напечатан в Швейцарии. На родине "Жизнь и судьба" была опубликована в журнале "Октябрь" в 1988 году и тогда же вышла отдельной книгой. Повесть "Все течет:" увидела свет сначала в Германии в 1970 году, а спустя 19 лет - в СССР. В 1985 году в Тель-Авиве вышел двухтомник Гроссмана "На еврейские темы".

Закончим это печальное повествование словами самого Гроссмана. У него есть миниатюра "Смысл жизни". Вот она:

"Они спорили, в чем смысл жизни.

- В борьбе!

- В любви!

- В творческой работе!

- В наслажденье!

- Глупцы, - сказал последний. - Ведь смысл борьбы, любви, творчества, наслажденья в самой жизни".

В жизни Василия Гроссмана были все эти составляющие. А еще были травля, критика, неприятие, зависть, отторжение - все горькое разнотравье российских полей. Но его талант оказался сильнее.

Сцены из
спектакля
«Жизнь и
судьба»